

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Джураева Фарахбону Исматиллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Назарова Севинч Файзуллоевна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В данной статье исследуются морфологические и семантические параметры глаголов движения в современном русском языке. Анализирует специфику парности по признаку направленности /кратности, рассматривает механизмы префиксации и их влияние на видовую соотнесенность. Особое внимание уделяется «забытым» оттенкам значений, которые проявляются при метафоризации движения в художественном тексте.

Ключевые слова: глаголы движения, морфология, префиксация, категория вида, семантика, направленность.

Система глаголов движения в русском языке представляет собой уникальный морфологический пласт, не имеющий прямых структурных аналогов во многих индоевропейских языках. Фундаментальной особенностью этой группы является существование бесприставочных корреляций, которые традиционно делятся на глаголы определенного и неопределенного движения. Если рассматривать эту дихотомию через призму классических лингвистических трудов, становится очевидным, что морфология здесь неразрывно связана с пространственной геометрией действия. Глаголы типа «идти» или «лететь» фиксируют в морфологической структуре языка момент линейности, однократности и целеустремленности, в то время как их партнеры — «ходить» и «летать» — воплощают идею круговращения, повторяемости или отсутствия вектора.

Художественная литература часто использует эти морфологические свойства для создания глубоких подтекстов. Вспомним, как классики

описывали душевные метания героев: персонаж может «брести» по аллее, и в самом выборе этого глагола, имеющего морфологическую основу определенного движения, заложена неизбежность его пути к роковой встрече. Однако, как только автор переключает регистр на описание бытовой суеты, появляются глаголы неопределенного движения, подчеркивающие хаотичность и отсутствие высшей цели в повседневности. Эти лексико-семантические нюансы подтверждают мысль о том, что морфология глагола в русском языке — это не просто набор флексий, а инструмент философского осмысления бытия. Анализируя работы таких исследователей, как А.В. Бондарко, указывают на то, что глаголы движения образуют микросистему внутри категории вида. Основная сложность заключается в том, что оппозиция «определенность — неопределенность» пересекается с оппозицией «совершенный — несовершенный вид». Когда к бесприставочному глаголу присоединяется префикс, происходит качественный морфологический скачок. Например, глагол «идти» при добавлении приставки «у-» превращается в «уйти», мгновенно приобретая значение результативности и завершенности. Здесь морфология выступает как жесткий каркас: приставка не просто уточняет направление, она меняет временную перспективу глагола [2, с. 45].

Приставки в русском языке выполняют роль «семантических фильтров». Если мы возьмем глагол «бежать» и добавим к нему префикс «за-», мы получим не только указание на начало действия (инхоативность), но и потенциальный уход в сторону, за пределы видимости. Лингвистический анализ показывает, что морфологическая структура префиксальных глаголов движения гораздо богаче, чем кажется на первый взгляд. Она включает в себя пространственные координаты (вход, выход, приближение, удаление), временные рамки и даже интенсивность усилия. Исследователи, занимающиеся вопросами функциональной грамматики, справедливо отмечают, что современный русский язык демонстрирует тенденцию к расширению переносных значений глаголов движения. Глагол может сохранять свою морфологическую форму, но полностью менять денотативную сферу. Когда мы говорим «время идет» или «речь идет», мы эксплуатируем морфологическую модель однонаправленного движения для описания абстрактных процессов. В этом проявляется адаптивность системы:

морфологические признаки, сформированные для описания физического перемещения в пространстве, становятся универсальными маркерами протекания любого процесса.

Особое место в морфологической иерархии занимают переходные глаголы движения, такие как «нести» или «вести». В отличие от непереходных («идти», «ехать»), они включают в свою семантическую структуру объект, на который направлено действие. Это усложняет морфологическую парадигму, так как требует согласования не только с субъектом, но и учета влияния действия на предмет. В художественном пересказе классических сцен часто можно встретить акцент на этой двойственности: герой «несет свою судьбу» так же, как он мог бы нести тяжелую ношу. Здесь морфология глагола «нести» (определенное движение) подчеркивает фатальность и невозможность свернуть с пути. Современные лингвисты также обращают внимание на то, как префиксация влияет на образование пар по виду. Если глагол «прийти» является совершенным видом, то его парой становится «приходить», где суффиксация выступает как способ возвращения глагола в лоно несовершенного вида, но уже с сохранением префиксального значения. Этот круговорот морфем создает гибкую систему, позволяющую говорящему с ювелирной точностью описывать этапы перемещения.

Морфология глаголов движения — это динамическая система, где каждая приставка и суффикс являются носителями уникального кода. Этот код считывается носителем языка подсознательно, формируя объемную картину мира, где каждое движение имеет не только вектор, но и внутреннюю драматургию, заложенную в его грамматической форме.

Продолжая анализ морфологической структуры глаголов движения, необходимо обратиться к феномену вторичной имперфективации, который в современном русском языке служит основным механизмом детализации протекания действия. Если в первой части мы рассматривали первичную префиксацию, превращающую бесприставочный глагол несовершенного вида («идти») в приставочный совершенного («прийти»), то здесь морфология делает следующий шаг. С помощью суффиксов -ива- / -ыва- или -ва- язык восстанавливает категорию длительности, создавая формы типа «приходить», «улетать», «забегать». Этот процесс — не просто формальная грамматическая

операция, а создание уникального темпорального континуума, в котором однократный результат («прийти») вновь превращается в повторяющийся процесс или привычку. Лингвисты, такие как А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев, указывают на то, что в таких парах морфология начинает обслуживать прагматику высказывания. В художественном пересказе классической прозы это проявляется особенно ярко: когда герой «уходил» из дома не один раз, а постоянно, морфологический суффикс -и- транслирует читателю не только факт перемещения, но и эмоциональную тяжесть повторяющегося разрыва [3, с. 88]. Критики отмечают, что именно в этой «видовой чехарде» скрыта истинная гибкость русского глагола. Пересказывая идеи исследователей аспектологии, можно заключить, что морфологическая система глаголов движения работает как оптический прибор, позволяющий то приближать момент достижения цели (совершенный вид), то растягивать само движение во времени (вторичный несовершенный вид).

Особый интерес представляет морфология так называемых «непродуктивных» или редких глаголов движения, таких как «брести», «ползти», «лезть». В отличие от «магистральных» пар («идти — ходить»), эти глаголы несут в своей корневой морфеме дополнительную семантическую нагрузку — способ совершения действия. Морфологическая парадигма глагола «лезть» (определенное движение) и «лазить» (неопределенное) в разговорной речи часто подвергается эрозии. Мы замечаем, как современная норма начинает допускать вариативность, однако в литературном языке сохраняется строгое разграничение. Например, фраза «он лезет в гору» описывает конкретный физический акт, в то время как «он лазит по горам» подчеркивает профессиональную привычку или хобби. Здесь морфология выступает хранителем лексической точности, не позволяя смыслу расплыться.

Нельзя игнорировать и синтагматические связи глаголов движения, которые определяют их морфологический статус в предложении. Взаимодействие с падежными формами существительных (преимущественно винительным и предложным) создает пространственную сетку. Однако на морфологическом уровне глагол движения часто «диктует» выбор предлога. Если мы используем приставку в-, она неизбежно требует винительного падежа с предлогом в («войти в комнату»), создавая тавтологическое, но

грамматически необходимое единство. Этот морфолого-синтаксический параллелизм подчеркивает замкнутость и логичность системы. Рассматривая идеи М.А. Шелякина о способах глагольного действия, стоит упомянуть группу глаголов с приставкой по-. Здесь возникает интересная морфологическая коллизия. В глаголах типа «пойти», «побежать» приставка указывает на начало движения (инхоативность). Но в глаголах неопределенного движения («походить», «полетать») та же приставка приобретает значение delimitативности — совершение действия в течение некоторого времени с последующим прекращением. Морфология здесь буквально управляет временем: в первом случае она «включает» движение, во втором — «очерчивает его границы» [6, с. 74]. Это тонкое различие часто становится камнем преткновения для изучающих русский язык как иностранный, но для носителя оно является естественным инструментом выражения воли.

В современном медиапространстве и интернет-коммуникации наблюдается любопытная трансформация: глаголы движения начинают активно использоваться в качестве морфологической базы для образования неологизмов. Метафорический перенос, о котором говорилось ранее, достигает своего апогея. Когда мы говорим, что «пост зашел» или «информация дошла», мы используем жесткую морфологическую схему глагола движения для описания когнитивного восприятия. Это доказывает, что морфология глаголов движения в русском языке — это не застывший памятник, а живой организм, способный адаптироваться к виртуальной реальности, сохраняя при этом свои исконные законы парности и направленности. Морфологические особенности глаголов движения формируют специфическую «русскую картину пространства». Это пространство, где любое перемещение глубоко антропоцентрично. Грамматика заставляет нас постоянно выбирать между линейностью и хаосом, результатом и процессом. В этом выборе проявляется не только знание правил, но и культурный код. Критический взгляд на современные грамматики позволяет утверждать, что, несмотря на упрощение некоторых форм в живой речи, ядро системы — оппозиция определенности и неопределенности — остается незыблемым, обеспечивая языку его уникальную экспрессивную мощь. Морфология

глаголов движения является фундаментом русской глагольной системы. Она объединяет в себе строгую логику геометрических векторов и тонкую психологическую игру смыслов, позволяя языку оставаться точным инструментом как в руках ученого, так и в творчестве писателя.

Список использованной литературы:

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974. — 367 с.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). — М.: Просвещение, 1971. — 239 с.
3. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 221 с.
4. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. — Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1954– 1960.
5. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — 789 с.
6. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. — Таллин: Валгус, 1983. — 216 с.